

ГЛАВА VI

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЙ СУПЕРЭКСЛИБРИС КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Характеристику суперэклибриса мы представим в нескольких аспектах; все они призваны показать, что суперэклибрис представляет собой важнейший исторический источник.

Геральдический суперэклибрис как источник по истории русской культуры и просвещения

В результате нашей работы были выявлены и атрибутированы более ста русских геральдических суперэклибрисов, что в несколько раз превышает их количество, известное до начала работы.

В собрании РГБ были обнаружены суперэклибрисы графа Н.И. Панина¹, П.Г. Демидова² и И.И. Шувалова³. В собрании РНБ — графа П.Б. Шереметева (варианты I⁴ и III⁵), барона А.С. Строганова⁶, графа Л.К. Разумовского (вариант II)⁷ и графа Д.П. Бутурлина (вариант I)⁸. В коллекции ГПИБ — герцога Э.И. Бирона⁹, графа А.Г. Головкина (варианты I¹⁰ и III¹¹), графа Д.П. Бутурлина (вари-

¹ *Херасков М.М.* Россияда поэма эпическая. М., 1779. (МК РГБ, шифр У-40/79-Х).

² *Horatius.* Opera. V. 1. Londini, 1733. 8-о. (МК РГБ, № IX-6971).

³ *Hoey A. van.* Lettres et negociations. Londres, 1743. Pet. 8-о. (МК РГБ, инв. IX-6695).

⁴ *Chaufepie J.G. de.* Nouveau dictionnaire historique et critique... Т. 1. Amsterdam, Haye, 1750. In-folio. (РНБ, шифр 12.50.1.3.).

⁵ *Du Fresnoy C.A.* L'art de peinture. Paris, 1684. 12-о. (ОРК РНБ, инв. М-1896).

⁶ *Hore beate Marie Virginis...* Paris, 1526. 12-о. (ОРК РНБ, инв. М-1607).

⁷ *Virgile.* Les Bucoliques, traduites en vers francais par J. Delille. Paris, 1806. Gr. in-4-о. (РНБ, шифр 7.25.1.1.).

⁸ РНБ (шифр 12.2.9.23.).

⁹ Книга устав воинский о должности генералов, фельд маршалов, и всего генералитета, и прочих чинов... СПб., 1737. 8-о. (ОИК ГПИБ, № 6659.).

¹⁰ *Goulart S.* Les memoires de la Ligne. Т. 4. S. I. 1595. 8-о. (ОИК ГПИБ, № 5266).

¹¹ *Dionysii Halicarnassei antiquitatum Romanarum.* Lutetiae [Paris], 1546. -Fol. (ОИК ГПИБ, № 33760).

ант II)¹², А.Д. Черткова¹³, Э.К. Гуттен-Чапского (варианты I¹⁴ и II¹⁵) и И.И. Шувалова (вариант II)¹⁶. В собрании ВГБИЛ — суперэкслибрисы графини Е.К. Воронцовой¹⁷, барона Н.А. Корфа¹⁸, Ф.П. Балк-Полева¹⁹ и Г.Р. Шидловского²⁰. В собрании ГМП — И.А. Всеволожского²¹, С.И. Глебова²², князя П.С. Долгорукого²³ и И.И. Мелиссино²⁴. В коллекции НБ Эрмитажа были выявлены знаки барона Г.А. Строганова²⁵, И.И. Куриса (вариант IV)²⁶, князя Н.Б. Юсупова²⁷ и А.Г. Головкина (вариант II)²⁸. В других библиотеках Москвы и Петербурга были обнаружены суперэкслибрисы графа А.Г. Головкина (вариант IV)²⁹, графа П.Б. Шереметева (вариант IV)³⁰, графа А.С. Уварова³¹, А.М. Ефимовского³², графа П.Б. Шереметева (вариант II)³³, графа Л.К. Разумовского (вариант I)³⁴ и других собирате-

¹² *Крестинин В.* Исторические начатки о двинском народе. Ч. 1. СПб., 1784. 4-о. (ОИК ГПИБ, № 5185).

¹³ *Жуковский В.А.* Стихотворения. Т. 1. СПб., 1835. 8-о. (ОИК ГПИБ, инв. № 67626).

¹⁴ *Вобан.* Истинный способ укрепления городов. СПб., 1724. 12-о. (ОИК ГПИБ, № 18302).

¹⁵ География или краткое земного круга описание. М., 1716. 12-о. (ОИК ГПИБ, № 15360).

¹⁶ *Memoires de M. Pierre de Bourdelle, seigneur de Brantome...* A Londres, 1739. 16-о. (ГПИБ, инв. № 4601).

¹⁷ *Parny.* Oeuvres choisies. Paris, 1826. 8-о. (НИОРК ВГБИЛ, № 66767).

¹⁸ *Gaudet F.-C.* Bibliotheque des petits-maitres. Au Palais-Royal, 1742. 12-о. (НИОРК ВГБИЛ, № 27969).

¹⁹ *Tissot.* Avis au peuple sur la Sante. Т. 2. Lyon, 1764. 12-о. (НИОРК ВГБИЛ, № 1776753).

²⁰ *Лессинг Г.Э.* Клад. М., 1788. 12-о. (НИОРК ВГБИЛ, № 627410).

²¹ Российский Феатр. Ч. 19. СПб., 1788. 8-о. (ОРК ГМП, № 18 446).

²² *Voltaire.* Collection complete des oeuvres. Т. 3. S. 1., 1757. 8-о. (ОРК ГМП, № 68085).

²³ *Cornelle P.* Oeuvres. Т. 1. Paris, 1758. 16-о. (ОРК ГМП, инв. № 68069).

²⁴ *Херасков М.* Россияда. М., 1779. 4-о. (ОРК ГМП, Библиотека И.Н. Розанова, шифр БР-285, № 44302).

²⁵ *Bartoli P.S.* Recueil de peintures antiques trouvees a Rome. Т. 2. Paris, 1783. Gr.-fol. (ОРК ГЭ, инв. № 25881).

²⁶ *Виньола Д.Б.* Правило о пяти чинах архитектуры. М., 1709. (ОРК ГЭ, № 239828).

²⁷ *Beranger P.J.* Chansons. Т. 1. Paris, 1859. 8-о. (ОРК ГЭ, инв. № 107143).

²⁸ *Vade J.J.* Oeuvres poissardes. Paris, 1796. Gr. 4-о. (ОРК ГЭ, инв. № 266235).

²⁹ *Manuale di Epitteto / Volgarizzato da Eritisco Pilenejo.* Parma, 1793. 12-о. (ОРК НБ МГУ, шифр Дмитр. 6314).

³⁰ *Шереметев Б.П.* Записка путешествия... М., 1773. 2-о. (БАН, шифр 1773/100).

³¹ ОПИ ГИМ. Ф 17 (Уваровы). Оп. 1. Д. 74 (переплет).

³² *L'Iliade d'Homere / Traduction nouvelle par Bitaupe.* Т. 2. Paris, 1764. 8-о. (Музей-усадьба «Архангельское», ОРК, инв. № 8546).

³³ *Les argemens de la campagne, ou remarques particulieres...* Leyde, Amsterdam, 1750. 4-о. (Музей-усадьба «Архангельское», ОРК, инв. № 14 738).

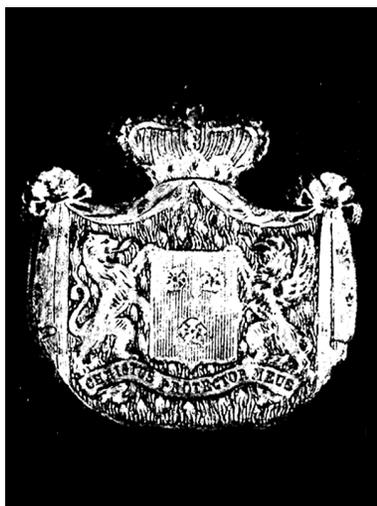
³⁴ *Buffon G.-L.* Histoire naturelle. Т. 2. Paris, 1799. 12-о. (ИРЛИ РАН, Б-ка А.С. Пушкина, VIII-7/17).

57
Суперэкслибрис
И.И. Траутсона

58
Суперэкслибрис императора
Франца-Иосифа I

59
Суперэкслибрис Л.-П. Аренберга

60
Суперэкслибрис Дж. Ротшильда

лей. Из русских геральдических суперэклибрисов, разысканных в провинциальных книгохранилищах, особенно необходимо отметить суперэклибрисы князя М.М. Голицына³⁵, графа В.Н. Панина³⁶, графов Мусиных-Пушкиных³⁷ и графа А.П. Бестужева-Рюмина³⁸. В коллекциях обычных экслибрисов, в виде срезов кожи со старинных переплетов, были обнаружены геральдические суперэклибрисы И.И. Поливанова³⁹ и графа С.Д. Шереметева⁴⁰. Результативным оказался поиск русских геральдических суперэклибрисов в частных собраниях — в них были обнаружены суперэклибрисы графа Д.Н. Мавроса, И.И. Куриса (варианты I, II, III), Г.П. Алексеева (варианты I и II), графини А.Д. Блудовой, В.П. Головина, князя В.П. Кочубея, князя С.В. Кудашева, графа П.К. Разумовского, графа П.Г. Чернышева, графа А.Д. Шереметева, Н.К. Шильдера. В собрании Я. Бердичевского в Берлине был обнаружен суперэклибрис графа П.Г. Чернышева, а в магазине антикварной книги *Antiquariaat Papurus* в Вoorбургe (Нидерланды) — геральдический суперэклибрис барона С.Г. Строганова — ранее неизвестный русский знак 1-й половины XVIII века.

Особенно важно отметить тот факт, что выявление геральдических суперэклибрисов в частных собраниях, привлеченное изначально лишь в качестве дополнительного источника с целью большей репрезентативности поиска, неожиданно принесло внушительные результаты. Оказалось, что семнадцать русских геральдических суперэклибрисов из частных собраний вовсе не встретились в процессе исследования в государственных книгохранилищах. Это заставляет не только более внимательно относиться к вопросу привлечения частных коллекций к обширным исследованиям в области истории культуры, но считать такое условие неотъемлемым для достижения репрезентативности научного поиска.

Итак, если до 1991 года было опубликовано 26 русских геральдических суперэклибрисов, причём 9 из них или были атри-

³⁵ *Harms A.F.* Tables historiques et chronologiques des plus fameux peintres anciens et modernes. A Bronsvic, 1742. In-fol, (ОРК НБ Тверского Гос. университета, № 102962).

³⁶ Русский Архив. М., 1866. [Годовой комплект]. (Тверская Областная Универсальная библиотека, инв. № 78069).

³⁷ *Козлов И.И.* Собрание стихотворений. Ч. I. СПб., 1833. 8-о. (НБ Петрозаводского Университета, инв. № 32807).

³⁸ *Die europaische Fama.* 49 Theil. Leipzig, 1706. 8-о (Тульская областная универсальная библиотека. Инв и-37256).

³⁹ ОИК ГПИБ, колл. А.П. Бахрушина.

⁴⁰ Там же.

бутированы неверно, или публиковались в качестве анонимных (то есть корпус опубликованных и правильно атрибутированных русских геральдических суперэкслибрисов насчитывал всего 17 знаков), то в результате проведенного исследования было выявлено и атрибутировано более ста русских геральдических суперэкслибрисов⁴¹. Также важно отметить, что имена почти 15% всех владельцев русских геральдических суперэкслибрисов, установленных в процессе исследования, ранее вообще не связывались с книжным собирательством и не упоминались в обширной литературе вопроса.

Анализируя же полученные результаты, сразу можно отметить важную особенность геральдического суперэкслибриса — фамильную преемственность, поскольку использование геральдических суперэкслибрисов членами одной семьи является выраженной тенденцией. Это либо отец и сын, либо братья, либо близкие члены одного рода — Сумароковы, графы и бароны Строгановы, графы и князья Воронцовы, графы Панины, графы Чернышевы, графы Разумовские. Такая характерная особенность, по-видимому, отчасти отражает и специфику распространения геральдических суперэкслибрисов, некий клановый и подражательный характер.

Несмотря на глубокую избранность геральдического суперэкслибриса как явления, наличие столь внушительного корпуса однотипных исторических источников позволяет исследовать не только их хронологические, количественные или иные характеристики, но и проследить специфические особенности развития геральдического суперэкслибриса в России.

Хронологическая характеристика русского геральдического суперэкслибриса

Как показало исследование русских геральдических суперэкслибрисов, все они укладываются в ранее известные рамки — 1710–1910-е годы.

Однако, столь значительное увеличение корпуса русских геральдических суперэкслибрисов позволяет иначе взглянуть на тенденции распространения геральдических суперэкслибрисов в России. Самый первый геральдический суперэкслибрис, который употреблялся русским персонажем для книг своей личной библио-

⁴¹ Дружинин П.А. Русский геральдический суперэкслибрис. М.: Древлехранилище, 2000. 227 с.; Дружинин П.А. «Русский геральдический суперэкслибрис»: Дополнения и уточнения к книге // Библиофилы России: Альманах. Т. III. М., 2006. С. 353–373.

теки, был суперэклибрис князя Г.Ф. Долгорукого (1657–1723), который датируется серединой 1710-х годов; он был опубликован Б.М. Чистяковым еще в 1929 году⁴² и до последнего времени представлялся лишь первенцем, случайно опередившим массовое распространение геральдического суперэклибриса в России, начавшееся уже с 1740-х годов. Обнаружение в собрании Тульской областной универсальной библиотеки книги с геральдическим суперэклибрисом канцлера А.П. Бестужева-Рюмина (1693–1768), который датируется началом 1730-х годов, позволяет воспринимать геральдический суперэклибрис как более массовое явление, хотя и распространенное первоначально в среде вельмож. Подтверждают такое положение и сведения об изготовлении штампов геральдических суперэклибрисов в Пунсонной палате Петербургской Академии наук в 1730-е годы.

Также в ходе анализа хронологических характеристик оказалось возможным подвергнуть корректировке устоявшееся мнение о том, что геральдический суперэклибрис был распространен в России только во второй половине XVIII столетия: из 107 русских геральдических суперэклибрисов только 50 суперэклибрисов (то есть менее половины, а точнее 46,7%) датируются XVIII веком, тогда как 57 суперэклибрисов хронологически приходятся на XIX — начало XX века.

Распространение геральдического суперэклибриса в России в XIX веке дает повод для новых и весьма неожиданных выводов: оказывается, что из общего числа суперэклибрисов (52) лишь 23 геральдических суперэклибриса относятся к первой половине XIX века, тогда как большее число — 29 геральдических суперэклибрисов — ко второй половине XIX века.

Такое соотношение характеризует читательские вкусы и динамику развития книжного собирательства в России в XIX веке. Если в царствование императора Александра I мода на геральдические суперэклибрисы в среде высшей знати еще удерживается, то с конца 1820-х годов она начинает угасать вместе с модой на большие дворянские библиотеки, поскольку книга — как основной предмет и важнейший символ эпохи Просвещения — уходит вместе с этой эпохой и постепенно переходит в разряд обыденной, повседневной детали дворянского быта.

Но во второй половине XIX столетия появляются совершенно иные владельцы геральдических суперэклибрисов — это не просто сановники, побуждаемые дворянской гордостью, а уже пред-

⁴² Чистяков Б.М. Супер-эклибрис... С. 144.

ставители библиофильства в современном, чисто европейском прочтении этого слова. Именно изменением круга книжного собирательства — когда оно перешло в качестве увлечения от обеспеченной части русского общества к интеллектуальной — объясняется и эволюция геральдического суперэклибриса. То есть геральдический суперэклибрис второй половины XIX века — это уже не дань моде, а обозначение библиофильских интересов и устремлений владельцев. Именно такое перерождение геральдического суперэклибриса предотвратило его исчезновение, тогда как другие подобные явления, свидетельствующие о глубокой избранности их владельцев — например гербовые жетоны для карточных игр — в середине XIX века практически исчезают.

То есть из веяния общеевропейской моды, которым геральдический суперэклибрис проник в Россию в 1710-х годах, к концу XIX века он перерождается в иное, интеллектуальное, кредо владельцев; именно этим объясняется тот факт, что суперэклибрисы последней четверти XIX века демонстрируют преимущественно элиту российского интеллектуального, можно даже сказать, научного, библиофильства. Наиболее характерные представители его — коллекционер и библиофил Иван Ираклиевич Курис (1840–1898), библиофил граф Дмитрий Николаевич Маврос (1820–1896), нумизмат Эмерик Карлович Гуттен-Чапский (1828–1896), историки Александр Алексеевич Васильчиков (1832–1890) и граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918).

К началу XX века геральдический суперэклибрис окончательно приобретает характер библиофильского изыска и становится принадлежностью единичных собирателей: численность суперэклибрисов этого времени крайне мала — нами зафиксировано только пять суперэклибрисов начала XX века. Лишь в меньшей степени это принадлежность обеспеченных библиофилов «европейского типа», таких как обер-гофмейстер двора и известный нумизмат Георгий Петрович Алексеев (1836–1914), продолжающий европейские традиции библиофильства и завершающий перечисленную выше плеяду собирателей, умерших к концу XIX столетия. А в большей степени — это библиофилы нового, нарождающегося поколения, чей интерес к книжному собирательству и геральдическому суперэклибрису идет от интереса к прошлому, захватившего многих в России между двумя войнами начала XX века. Причем последние владельцы геральдических суперэклибрисов сами были непосредственно связаны с геральдикой и даже оказали влияние на становление геральдики в России как научной дисциплины — это историк Сергей Николаевич Тройницкий (1882–1948), художник

Владимир Яковлевич Чемберс (1878–1934), генеалог Ольга-Николаевна Значко-Яворская (1872–?).

Эволюция геральдического суперэклибриса в России, которую оказалось возможным проследить на двухвековом пути, уникальна: сначала это веяние европейской моды и принадлежность элиты общества, затем символ и достояние дворянского сословия, после этого — знак принадлежности к библиофильству и коллекционированию, и, наконец, символ исследователя геральдики. Такой путь, как можно предположить, неминуемо должен был привести к серьезному исследованию феномена русского геральдического суперэклибриса, но события 1917 года надолго отодвинули научные исследования в области истории дворянства вообще и дворянской геральдики в частности.

Языковая характеристика книг с русскими геральдическими суперэклибрисами

В процессе исследования особенное внимание было уделено и анализу языка, на котором напечатаны книги, несущие не своих переплетах русские геральдические суперэклибрисы. Во-первых то обстоятельство, что зачастую русские геральдические суперэклибрисы обнаруживаются на европейских изданиях, повлияли на эвристику книг с суперэклибрисами; во-вторых, представляется важным охарактеризовать языковую принадлежность книг, на которых были обнаружены именно русские суперэклибрисы, поскольку подобный анализ актуален для характеристики русских читательских интересов периода существования геральдического суперэклибриса в России, да и феномена чтения вообще.

Собранные в процессе исследования статистические сведения позволяют не только охарактеризовать соотношение русских и иностранных книг, но и проследить динамику такого соотношения, поскольку она не всегда на протяжении двухвековой истории русского геральдического суперэклибриса была константной⁴³.

⁴³ Приведенные данные хотя и могут допускать так называемую случайную ошибку репрезентативности, однако они, несомненно, верно отражают тенденции в динамике репертуара иностранной и русской книги в России; естественно, речь идет о специфическом сегменте читательской аудитории. Уточним, что в том случае, если в процессе исследования было выявлено несколько книг с идентичным русским геральдическим суперэклибрисом, то в статистику вносился языковой показатель, сделанный на соотношении русских и иностранных книг, и основной показатель брался исходя из преимущества тех или других. Однако таких случаев немного, поскольку большинство геральдических суперэклибрисов наличествуют либо только на русских, либо только на иностранных книгах.

61
Суперэклибрис Г. Брюля

62
Суперэклибрис Г. Бюнау

63
Суперэклибрис брауншвейгского герцога Вильгельма

64
Суперэклибрис саксонского курфюрста Иоганна-Георга III

Если рассмотреть языковое соотношение за весь двухвековой период (1710–1910-е годы), то доля русскоязычных изданий составляет 36,4%, а книг на иностранных языках — 63,6%. Это вполне отвечает характеристике избранности геральдического суперэклибриса как явления. Однако, особенно любопытной в данном случае оказывается динамика соотношения русских и иностранных книг с русскими геральдическими суперэклибрисами.

Наибольшее превосходство иностранных книг отмечено в XVIII веке — их процентное соотношение составляет 72% иностранных против 28% русских книг. Однако читательские интересы и пристрастия постепенно изменяются, по крайней мере, анализ книг с русскими геральдическими суперэклибрисами первой половины XIX столетия демонстрирует уже иное соотношение — 65,2% иностранных книг против 34,8% русских.

Тенденция к нивелированию превосходства численности иностранных книг над русскими продолжается и во второй половине XIX века: численность книг с русскими геральдическими суперэклибрисами этого периода составляет 48,3% на русском языке против 51,7% на иностранных языках. Наконец, в начале XX века происходит перелом в интересах этой глубоко специфичной группы читательской аудитории: процентное соотношение меняется в пользу русских книг — их 60% против 40% иностранных. Эта статистика перекликается и с предыдущими выводами о распространении геральдического суперэклибриса в России и о специфике их владельцев и может служить базой для более общих выводов о динамике читательских вкусов.

Таким образом, характеристика распространения суперэклибриса позволяет вскрыть целый пласт сведений для интеллектуальной истории: это и информация для изучения феномена чтения как культурной среды русского общества, и характеристика языковых предпочтений русского читателя, и ее динамика на протяжении двух столетий; это и новые персоналии, которые никогда не воспринимались в связи с книжным собирательством.

Геральдический суперэклибрис как источник для установления происхождения и судьбы книжных памятников

В 1929 году историк-геральдист В.К. Лукомский писал: «Книжные знаки (exlibris и super-exlibris), вообще, являются исключительно ценными путеводителями во всякого рода исследованиях для установления происхождения и судьбы библиотек, а потому

и следует настоятельно рекомендовать особо осторожное обращение с ними и сохранение их на книгах, имея в виду не только показательное, научное значение их, но и материальное, очень часто поднимающее ценность книги при наличии непосредственного указания на ее „provenance“»⁴⁴.

Поскольку эта рекомендация относится к обычным печатным эклибрисам, то геральдический суперэклибрис всегда воспринимался как незыблемый знак книговладения. И хотя в последнее десятилетие делаются попытки фальсифицировать и геральдический суперэклибрис, к большинству книжных памятников (прежде всего, к тем, которые уже давно сохраняются в государственных собраниях) подобные опасения не относятся.

Геральдический суперэклибрис традиционно принадлежит тому владельцу, который заказал книжный переплет (в большинстве случаев — это первый владелец книги или рукописи), а потому он является тем источником, исследовав который, возможно не только проследить происхождение или бытование книжного или рукописного памятника, но и решить более сложные источниковедческие задачи.

Поскольку наибольшее внимание в процессе исследования геральдических суперэклибрисов мы уделяли русским знакам, то отметим ряд случаев, которые являются весьма показательными и демонстрируют источниковедческую ценность геральдических суперэклибрисов.

Геральдические суперэклибрисы «сгоревших» библиотек

Благодаря суперэклибрису оказалось возможным совершенно иначе взглянуть на судьбу русских библиотек, которые, казалось, были уничтожены московским пожаром 1812 года.

Утрата ценнейших памятников письменности, начиная с Александрийской библиотеки, всегда была связана с огнем: неисчислимое количество книг и рукописей погибло в пламени. В силу выпавших на долю России войн и катаклизмов, ее культурные сокровища многократно гибли в жерле огня; именно с этим связана и наиболее знаменитая русская утрата — «Слово о полку Игореве».

В корпусе геральдических суперэклибрисов удалось выделить целую группу знаков, которые объединены между собой необычной характеристикой: согласно литературе, книги с этими суперэклибрисами вовсе не должны были существовать — ведь библио-

⁴⁴ Мухин С.А. Судьба одной библиотеки / Предисл. В.К. Лукомского. Л., 1929. С. 11.

теки их владельцев считались полностью погибшими от огня. То есть в процессе исследования выявились книги из нескольких известных библиотек, «обращенных в пепел» московским пожаром 1812 года. Приведем краткий перечень.

Библиотека графа Д.П. Бутурлина

Граф Дмитрий Петрович Бутурлин (1763–1829) был одним из наиболее известных европейских библиофилов конца XVIII — первой трети XIX века. Особенно он прославился после того, как вышли каталоги его собрания — в 1794 году в Петербурге⁴⁵, а затем в 1805 году в Париже⁴⁶; кроме того, в 1805 году в Лейпциге вышло описание первопечатных западноевропейских книг его библиотеки⁴⁷. Издание печатных каталогов библиотеки, численный состав которой доходил до сорока тысяч томов, с одной стороны принесло Д.П. Бутурлину славу, а с другой — стало памятником библиотеке, которой вскоре не стало: в 1812 году вся библиотека была поглощена огнем московского пожара⁴⁸. Однако в процессе выявления и исследования книг с геральдическими суперэклибрисами были найдены книги с суперэклибрисами графа Д.П. Бутурлина, причем даже удалось зафиксировать два варианта его суперэклибриса — один предназначался для книг большего формата (в четвертую долю и более), а другой — для книг в восьмую и двенадцатую доли листа⁴⁹ (илл. 6–7, с. 129). Известно, что Д.П. Бутурлин впоследствии собрал вторую библиотеку, однако тогда книги он снабжал обычным печатным эклибрисом, а геральдический суперэклибрис более не употреблял (по-видимому, оригинальные медные штампы его геральдических суперэклибрисов также погибли при пожаре). Такого обилия книг из «сгоревшей» библиотеки оказывается достаточно, чтобы иначе охарактеризовать судьбу этого знаменитого собрания, часть которого избежала огня (наиболее вероятно, попросту была расхищена) и в настоящее время представлена во многих библиотеках и частных собраниях. Характерно, что ни на одном из виденных в процессе исследования экземпляров с геральдическим суперэклибрисом Д.П. Бутурлина нет ни следов огня, ни затеков от воды.

⁴⁵ Catalogue de la bibliotheque de Mr. le comte D. Boutourlin. P. 1. SPb., 1794.

⁴⁶ Catalogue des livres de la bibliotheque de S. E. M. le Comte de Boutourlin / Revu par MM. A.-A. Barbier...et Ch. Pougens. Paris, An. XIII (1805).

⁴⁷ Monuments typographiques de la bibliotheque du Comte Boutourlin. [Sans titre]. <Leipzig, vers 1805>.

⁴⁸ Берков П.Н. Русские книголюбы. М.-Л., 1967. С. 154.

⁴⁹ Дружинин П.А. Русский геральдический суперэклибрис. М., 2000. С. 33–36.

Библиотека П.Г. Демидова

Библиотека Павла Григорьевича Демидова (1738–1821) была знаменита выдающимся для начала XIX века подбором книг по естественным наукам и систематизирована по изобретенному самим владельцем принципу. Большая часть книг была представлена изданиями на иностранных языках, каталог которых был напечатан в 1806 году⁵⁰. Русских книг насчитывалось сравнительно немного — 529 названий печатных книг и 158 русских рукописей, которые известны по описи, изданной В.М. Ундольским⁵¹. Библиотека П.Г. Демидова, заключавшая в себе много редких и ценных изданий, была завещана в 1803 году императорскому Московскому университету и разделила в 1812 году ее печальную участь.

Но нами были выявлены книги с геральдическими суперэклибрисами П.Г. Демидова, а его суперэклибрисы также обнаружались в частных коллекциях также в виде вырезанных фрагментов кожи с переплетов. На книгах с его суперэклибрисами не зафиксировано ни следов огня, ни следов воды. Количество же выявленных демидовских книг оказалось столь значительным, что зарегистрированы пять вариантов его суперэклибриса. Как и в случае с суперэклибрисами Д.П. Бутурлина, они отличаются размером и были предназначены для книг различного формата. Еще два варианта объясняются тем обстоятельством, что после получения в 1803 году ордена Св. Владимира I степени П.Г. Демидов заказал специальный штамп — «надпечатку», посредством которого на геральдические суперэклибрисы допечатывались фалеристические элементы — лишнее свидетельство трепетного отношения к наградам у русского дворянства. Таким образом, выявление целого корпуса книг с геральдическими суперэклибрисами П.Г. Демидова заставляет усомниться в том, что вся его библиотека погибла от огня.

Библиотека графа Л.К. Разумовского

Знаменитая библиотека графа Льва Кирилловича Разумовского (1757–1818), располагавшаяся в доме графа на Тверской улице (где с 1831 года был Английский клуб) была обращена в пепел вместе с самим домом Л.К. Разумовского⁵². Подмосковную его —

⁵⁰ Fischer F. Catalogue systematique des livres de la bibliotheque de Paul de Demidoff... / Museum — Demidoff. T. I. A Moscou, 1806.

⁵¹ Каталог российским книгам библиотеки Павла Григорьевича Демидова, составленный им самим / Издал В. Ундольский. М., 1846.

⁵² Мартынов И.Ф. Частные библиотеки в России в XVIII в. // Памятники культуры: Новые открытия. 1975. М., 1976. С. 105.

село Петровское-Разумовское, где хранилась часть библиотеки, — постигла та же печальная участь. Граф уехал в Чернигов, «а подмосковная его превратилась в место стоянки разгульной гвардии Наполеона. Что хотели, успели спасти: церковные сокровища были первою заботою, и конечно священника церкви; сокровища же дома, вся библиотека и все украшения оставались в своих местах; спасти их было некому по малолетству и не для чего, по богатству Разумовских. Понятно, что могли взять, французы взяли; чего не могли — уничтожили»⁵³.

Однако при исследовании были выявлены книги с его геральдическими суперэклибрисами, причем было зафиксировано два варианта его геральдического суперэклибриса. Эти результаты также противоречат утверждению о полном уничтожении его библиотеки.

Библиотека графа П.Б. Шереметева

Еще одно книжное собрание, за которым закрепилась легенда сгоревшего, — библиотека графа Петра Борисовича Шереметева (1713–1788), находившаяся к 1812 году в «Наугольном» доме Шереметевых на Воздвиженке⁵⁴. Но в процессе исследования обнаружено три варианта геральдического суперэклибриса, которые он употреблял для личной библиотеки, на книгах в различных собраниях⁵⁵. Стоит указать, что еще в 1880 году мнение об уничтожении его книг было подвергнуто сомнению: «Следуя попадающим там и сям указаниям, библиотека была уничтожена во время большого московского пожара 1812 года, чему трудно верить, так как дом, в котором она помещалась, уцелел во время пожара»⁵⁶. И наличие книг с геральдическими суперэклибрисами графа также опровергает мнение о том, что библиотека его погибла от огня.

Приведенные сведения позволяют иначе взглянуть на историю указанных книжных собраний. Поскольку все перечисленные из них, за исключением университетской, находившейся на содержание казны, принадлежали богатейшим и знаменитым московским жителям и находились в различных частях города (дом Шереметева — на Воздвиженке, дом Разумовского — на Тверской, дом Бу-

⁵³ Токмаков И.Ф. Историко-статистическое и археологическое описание Петровско-Разумовского. М., 1902. С. 13.

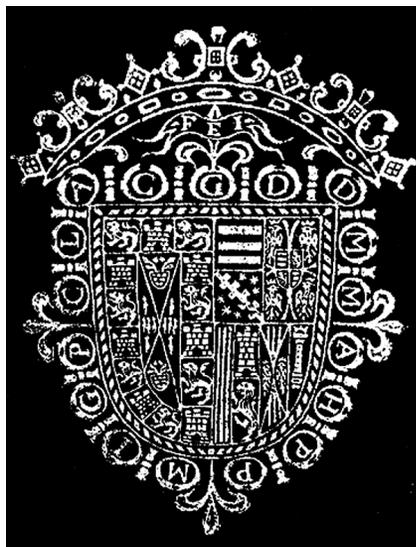
⁵⁴ Шавыркина Н.А. История библиотеки Шереметевых... С. 188.

⁵⁵ Дружинин П.А. Русский геральдический суперэклибрис. М., 2000. С. 167–172.

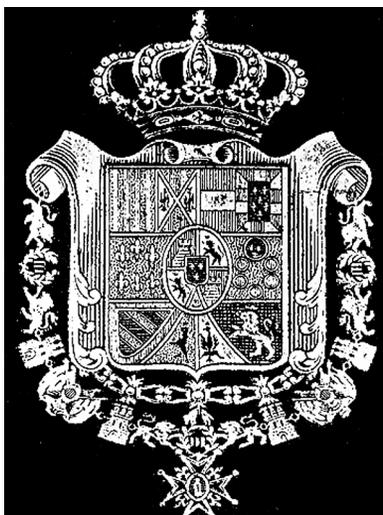
⁵⁶ Эльсгольц Ф.К. Частные библиотеки в России // Российская библиография. СПб., 1880. № 53 (2). С. 2. (Цит. по: Луттов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 231.)

65
Суперэклибрис
брандербургского курфюрста
Иоганна-Зигмунда

66
Суперэклибрис
Ф.-Р. Гузмана

67
Суперэклибрис испанской
королевы Изабеллы II

68
Суперэклибрис испанского
короля Карлоса III

турлина — в Немецкой слободе), то можно сделать однозначное заключение: в большинстве случаев пожару сопутствовал, а чаще его предвещал (о чем свидетельствует нетронутость сохранившихся книг огнем), грабеж имущества. Грабили чаще всего собственные дворовые люди, затем поджигавшие дома; причем книги, сохранившиеся в достаточно малом числе экземпляров, были не главной наживой погромщиков. Однако благодаря грабежу часть этих знаменитых библиотек оказалась таким образом спасена, а впоследствии те книги, которые не пошли на растопку или сигарки, влились в другие книжные собрания.

Причем миф о полном уничтожении некоторых знаменитых библиотек в 1812 году, который удастся развеять исследованием геральдических суперэкслибрисов, характерен и для комментариев к революционным событиям начала XX века. В качестве примера, с которым удалось иметь дело в процессе исследования, стоит привести судьбу библиотеки А.А. Васильчикова.

Александр Алексеевич Васильчиков (1832–1890) — гофмейстер двора и директор императорского Эрмитажа — оставил после себя богатую библиотеку, которую унаследовал его сын Павел Александрович. Она бережно сохранялась в родовом имении Васильчиковых Покровское-Березовка Петровского уезда Саратовской губернии. События 1917 года роковым образом отразились на судьбе библиотеки: по утверждению С.Р. Минцлова, «во время революции владелец уложил всю библиотеку в ящики и предложил Саратовскому университету принять ее в дар, но от университета прислано никого не было и библиотека была сожжена крестьянами вместе с домом»⁵⁷.

Однако при выявлении книг с геральдическими суперэкслибрисами именно в Научной библиотеке Саратовского университета обнаружился целый комплекс книг с суперэкслибрисами двух типов (малого размера — для книг обычного формата, и большего размера — для фолиантов), которые были нами атрибутированы как суперэкслибрисы А.А. Васильчикова. Книги эти, действительно, не поступили в Саратовский университет, но были спасены — их удалось перевезти в Петровскую уездную библиотеку-читальню, откуда они в начале 1930-х годов и поступили в Научную библиотеку Саратовского университета.

На примере этих пяти библиотек, книги которых имели суперэкслибрисы, легко демонстрируются возможности геральдическо-

⁵⁷ Минцлов С.Р. Синодик // Временник Общества любителей русской книги. Вып. I. Париж, 1925. С. 44.

го суперэклибриса как важнейшего исторического источника, использование которого позволяет делать совершенно неожиданные выводы, причем не только открывать единичные неизвестные факты, но и пересматривать положения, казавшиеся каноническими.

Суперэклибрис «Воронцовского сборника» писем Вольтера

В 1937 году в первом томе монументального издания «Русская культура и Франция» появилась основополагающая для изучения рукописного наследия Вольтера в СССР статья известного историка В.С. Люблинского «Собрание писем Вольтера из архива Воронцовых»⁵⁸, посвященная знаменитому «Воронцовскому сборнику» писем Вольтера.

Этот сборник, сохраняющийся по сей день в СПб ИРИ РАН в составе рукописного фонда Воронцовых, содержит 178 собственно-ручных писем Вольтера 1734–1751 годов к другу Шарлю-Огюстену де Ферриоллю, графу д'Аржанталю (1700–1778), и его близким. В начале XIX века эти письма, прежде хранившиеся в связке, были переплетены в качественный кожаный переплет, на крышке которого был вытиснен геральдический суперэклибрис — герб графов Воронцовых. Ценность столь крупного эпистолярного комплекса очевидна как для изучения жизни и творчества Вольтера, так и в качестве жемчужины русской вольтерианы. В силу исторической значимости «Воронцовского сборника» важным оказался вопрос о том, каким образом этот эпистолярный комплекс оказался в России.

Историки В.С. Люблинский и Н.С. Платонова в указанной статье приводят свою точку зрения, основанную, прежде всего, на письме от 5 апреля 1803 года, в котором русский посол во Франции граф А.А. Морков писал графу А.Р. Воронцову о покупке и препровождении Воронцову «нескольких писем Вольтера, сплошь собственноручных, собранных одним любителем, среди коих некоторые напечатаны не были»⁵⁹. Далее В.С. Люблинский пишет: «Опираясь на авторитет Н.П. Лихачева, Н.С. Платонова относит золотое ампирное тиснение к началу XIX века и подтверждение этому видит в том обстоятельстве, что суперэклибрис изображает не княжеский герб Воронцовых, которые княжеский титул получили

⁵⁸ Собрание писем Вольтера из архива Воронцовых / Наследие Вольтера в СССР: Статья В.С. Люблинского, публикация В.С. Люблинского и Н.С. Платоновой // Русская культура и Франция: Т. I. / Литературное наследство: Т. 29/30. М., 1937. С. 46–51.

⁵⁹ Там же. С. 46.

лишь в 1845 г. Таким образом, сборник этот связывается с личностью канцлера, графа Александра Романовича Воронцова (1741–1805). Это был один из самых серьезных и искренних читателей и почитателей Вольтера в России и один из наиболее образованных русских вельмож XVIII века вообще. <...> Эти биографические данные идут вполне навстречу высказанному выше предположению, что первым русским владельцем публикуемого здесь собрания писем Вольтера был именно он, канцлер Александр Романович Воронцов»⁶⁰.

Желание ученого связать упоминание о письмах Вольтера, графа А.Р. Воронцова и знаменитый «Воронцовский сборник» в единое целое вполне очевидно. Однако, даже не касаясь вопроса о принадлежности геральдического суперэклибриса, сопоставление «Воронцовского сборника» писем Вольтера в 359 листов и «нескольких писем Вольтера» как одного и того же — уже не вполне корректно. В процессе исследования нами был рассмотрен и суперэклибрис на переплете «Воронцовского сборника» писем Вольтера (илл. 8, с. 129). Было установлено, что принадлежит он не канцлеру графу А.Р. Воронцову, а его племяннику — графу М.С. Воронцову.

Граф Михаил Семенович Воронцов (1782–1856), пожалованный в 1845 году княжеским достоинством, был одним из крупнейших библиофилов своего времени — общая численность собранных им книг простиралась до пятидесяти тысяч томов⁶¹. Некоторые исследователи, однако, высказывали суждения о том, будто граф М.С. Воронцов «по-видимому, с меньшим интересом относился к пополнению архива»⁶², хотя и с оговоркой что «и при нём коллекция пополнялась»⁶³. В действительности же, он не только сохранил богатейшие собрания своего отца и дяди, но и преумножил их.

Можно было бы допустить, что граф М.С. Воронцов, будучи наследником собрания своего дяди А.Р. Воронцова, заново переплел «Воронцовский сборник», поставив на нем свой суперэклибрис (каковых у него всего зафиксировано семь вариантов), но наиболее вероятно, что М.С. Воронцов приобрел эпистолярный корпус, представляющий собою отнюдь не «несколько писем», самостоятельно. Причем пополнению его библиофильского собрания

⁶⁰ Там же. С. 46–47.

⁶¹ *Иваск У.Г.* Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. СПб., 1911. № 6. С. 1.

⁶² *Троцкий И.* Архив Воронцовых // Литературное наследство: Т. 9/10. М., 1933. С. 403.

⁶³ Там же.

благоприятствовали и обстоятельства его жизни, отразившиеся качественно на характеристике его книжной коллекции: в 1815–1818 годах граф М.С. Воронцов командовал русским оккупационным корпусом во Франции, да и после упразднения этой должности — до начала 1820-х годов — оставался в Париже, где приобрел большое число книг и рукописных материалов.

То есть наиболее вероятным выглядит изначальная принадлежность «Воронцовского сборника» именно графу М.С. Воронцову, а его геральдический суперэклибрис на переплете — очевидное тому доказательство.

Приведенный пример, когда происхождение такого значительного археографического памятника, которое ввиду огромного авторитета В.С. Люблинского было канонизировано и оказалось уязвимым из-за неверно атрибутированного геральдического суперэклибриса, наглядно демонстрирует роль суперэклибрисов в установлении происхождения книжных и рукописных памятников.

Книга с суперэклибрисом в личной библиотеке А.С. Пушкина

Одним из книжных памятников, который изучался в процессе работы, была книга из личной библиотеки А.С. Пушкина, хранящейся в ИРЛИ РАН. Книга представляет собой второй том «Естественной истории» Бюффона, напечатанный на французском языке в Париже в 1799 году⁶⁴. Книга облачена в переплет телячьей кожи, сильно потемневшей от времени, да и сам экземпляр сильно зачитан: уголки крышек обтрепаны, корешок с трещиной; на верхней крышке переплета вытиснен геральдический суперэклибрис (илл. 30, с. 165).

Вполне очевидно, что книги, составлявшие библиотеку поэта, не были обделены вниманием: в 1910 году было напечатано описание библиотеки, составленное Б.Л. Модзалевским, в котором упомянута и книга с суперэклибрисом. Геральдический суперэклибрис, как гласит каталог Модзалевского, представляет собой «герб графов Разумовских»⁶⁵. Через пятнадцать лет в Трудах Ленинградского общества эклибрисистов была обнародована и персональная атрибуция этого геральдического суперэклибриса: он принадлежит известному библиофилу и министру на-

⁶⁴ Buffon G.-L. Histoire naturelle. Т. 2. Paris, 1799. 12-о. (ИРЛИ РАН, Б-ка А.С. Пушкина, VIII-7/17).

⁶⁵ Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 179.

родного просвещения графу Алексею Кирилловичу Разумовскому (1748–1822)⁶⁶.

Такая атрибуция книги с суперэклибрисом в собрании А.С. Пушкина явилась важным дополнительным фактом, характеризующим отношения поэта и графа А.К. Разумовского. Граф известен не только как министр народного просвещения в 1810–1816 годах, но и как учредитель Царскосельского лицея, принимавший там вступительные и переводные испытания; кроме того, Пушкин является автором эпитафии «На гр. А.К. Разумовского». Однако, именно с личностью Разумовского, к которому поэт относился без особых симпатий, связан целый ряд ограничений в жизни лицейцев (в том числе запрещение воспитанникам сочинять и представлять театральные пьесы). Именно в силу отрицательной характеристики графа Разумовского в контексте биографии Пушкина, наличие в его библиотеке книги, ранее принадлежавшей министру народного просвещения, не получило традиционной для пушкиноведения «разработки».

Это оказалось спасительным, потому как в процессе исследования геральдических суперэклибрисов, при помощи описанного выше фалеристического исследования, оказалось возможным опровергнуть атрибуцию 1925 года и сделать окончательный вывод о принадлежности суперэклибриса другому Разумовскому — графу Льву Кирилловичу (1757–1818).

Сведений о знакомстве А.С. Пушкина с графом Л.К. Разумовским не сохранилось; возможно, книга попала в библиотеку поэта уже после его смерти от вдовы графа — Марии Григорьевны, урожденной Вяземской, по первому браку Голицыной (1772–1865), с которой Пушкин был знаком: именно на балу у графини М.Г. Разумовской 26 января 1837 года состоялось объяснение Пушкина с секундантом Дантеса д'Аршиаком⁶⁷.

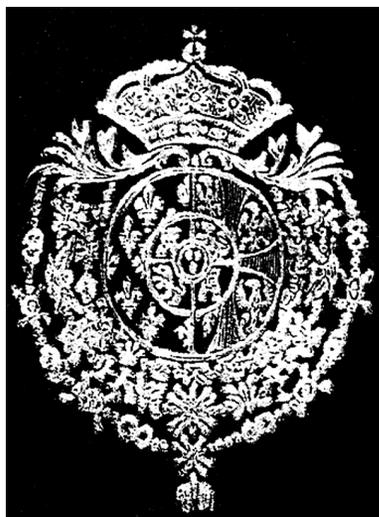
Таким образом, при помощи геральдического суперэклибриса в данном случае не только устанавливается происхождение одной из книг в личной библиотеке А.С. Пушкина, но одновременно опровергается неверная атрибуция, что в связи с биографией поэта имеет серьезное значение. Кроме того, приведенный пример не только характеризует геральдический суперэклибрис как исторический источник, но и наглядно демонстрирует, как неверная атрибуция суперэклибриса может стать основанием для историко-литературных мистификаций.

⁶⁶ Труды Ленинградского общества эклибрисистов: Вып. II–III. Л., 1925. С. 7–8.

⁶⁷ Черейский Л.А. Пушкин и его окружение / Отв. ред. В.Э. Вацуру. Л., 1989. С. 363.

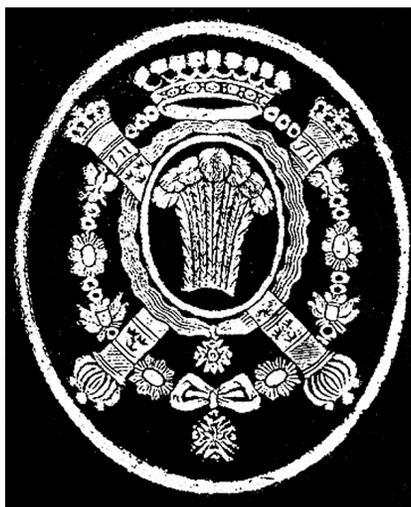

69

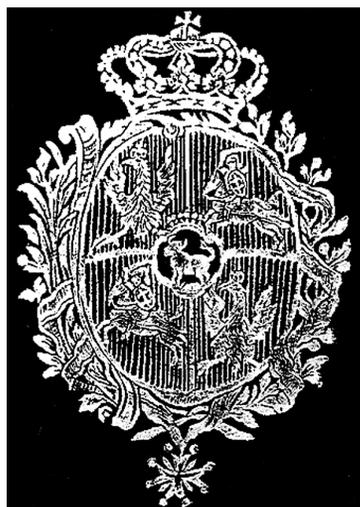
70

Суперэкслибрис герцога Фердинанда Пармского

71

Суперэкслибрис
М. Мнишека

72

Суперэкслибрис польского
короля Станислава-Августа

Роль геральдического суперэклибриса в установлении подлинности книжных памятников

В качестве примера, демонстрирующего источниковедческую значимость суперэклибрисов в контексте вопроса подлинности книжных памятников, характерно исследование геральдического суперэклибриса на русской книге 1790 года, которое было проведено нами в 2006 году в Москве.

Особую важность исследованию придавало то обстоятельство, что книга, на переплет которой нанесен этот геральдический суперэклибрис, не совсем обычна. Это «Письмо к другу, жителю в Tobольске. По долгу звания своего», напечатанное в Санкт-Петербурге в 1790 году.

Эта небольшая 14-тистраничная брошюра форматом «в осьмушку» посвящена открытию в 1782 году монумента Петру Великому; автором ее является А.Н. Радищев. Это — первая книга, которую Радищев напечатал в купленной им типографии; и уже следом за ней было напечатано знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву». То есть речь идет о самой редкой книге А.Н. Радищева и одной из самых редких и знаменитых русских изданий гражданской печати вообще. Всего известно три сохранившихся ее экземпляра⁶⁸: в Библиотеке СПб ИРИ, в ГПИБ России и, наконец, экземпляр с пометами императрицы Екатерины II — в следственном деле А.Н. Радищева в фонде Тайной канцелярии в РГАДА (Ф. 7. Д. 2762).

Конечно, появление еще одного экземпляра такой книги — уже событие, а выяснение происхождения и бытования экземпляра, которые можно проследить благодаря установлению имени владельца геральдического суперэклибриса, несомненно, может добавить и сведений к биографии писателя. Исследователь книжных знаков Б.М. Чистяков писал в 1929 году: «Чаще всего суперэклибрис выставляется первым владельцем книги, вследствие чего почти всегда можно установить его фамилию и личность, а для книголюбца это большое достижение. Пусть мы не всегда можем проследить дальнейшую историю книги, но мы знаем ее начало, а это уже много»⁶⁹.

Суперэклибрис, вытисненный на переплете книги, по своим геральдическим и декоративным характеристикам напоминает знаки западноевропейского происхождения: на это ука-

⁶⁸ Сводный каталог русской книги XVIII века: 1725–1800. Т. III. М., 1966. С. 6–7. № 5799.

⁶⁹ Чистяков Б.М. Супер-эклибрис... С. 133.

зывают многочисленные нашлемники, распространенные в немецкой геральдике; декоративно суперэклибрис выполнен в традициях XVIII века, герб в суперэклибрисе покрыт графской короной, под геральдическим щитом изображены знаки высшего польского ордена Белого Орла. Такое географическое сочетание: герб выраженного немецкого типа и наличие на нем польского ордена может говорить о том, что речь идет о гербовладельце из Саксонии, хронологически совпадающего с тем временем, когда курфюрсты саксонские были одновременно и польскими королями.

Конкретно этот геральдический суперэклибрис (илл. 61, с. 213) вообще очень часто встречается на иностранных книгах в российских библиотеках; он зафиксирован нами еще при выявлении и исследовании геральдических суперэклибрисов в собрании ВГБИЛ⁷⁰. Владельцем его является граф Брюль⁷¹.

Генрих Брюль (1700–1763) — министр и фаворит Августа III, короля польского и курфюрста саксонского. Сперва служил пажом у герцогини Елисаветы, вдовы герцога Саксен-Вейсенфельского, а в 1720 году стал пажом при дворе Августа II, затем получил звание камергера. Император Карл VI в 1737 году возвел его в звание имперского графа. Роскошь и богатства графа Брюля вошли в историю: он содержал 200 человек прислуги, своей почетной страже платил лучше, чем сам Август III, гардероб его был самым роскошным. После смерти Брюля все его имения и дворец, расположенный на так называемой Брюлевской террасе, были конфискованы, но затем возвращены наследникам.

Пользуясь советами знатока искусства Карла Генриха Хейнеkena, граф руководил покупками картин для Дрезденской галереи и одновременно формировал свою коллекцию. Именно это собрание, насчитывавшее около шестисот картин и тысячи рисунков, впоследствии приобретенное для Екатерины II при посредстве русского посланника в Дрездене А.М. Белосельского-Белозерского у наследников графа, составило ядро эрмитажной коллекции голландской и фламандской живописи⁷².

Замечательная библиотека графа Брюля к началу 1760-х годов была одной из крупнейших в Европе и насчитывала около 70 тыс.

⁷⁰ *Les amours de Henri IV*. P. I–II. Amsterdam, 1754. In-8°. (НИОРК ВГБИЛ. Шифр А 525, инв. №№ 464274, 464275).

⁷¹ *Bogeng G.A.E. Die grossen Bibliophilen...* Bd. 2. Leipzig, 1922. Abb. 191.

⁷² Западноевропейская живопись: Каталог. / Государственный Эрмитаж. Т. 1. Л., 1976. С. 11.

томов⁷³, в 1750 году начал выходить ее роскошный каталог, который не был завершен (вышло только четыре тома)⁷⁴, поскольку собрание графа было куплено Королевской библиотекой в Дрездене. После 1945 года эта библиотека была вывезена в СССР в качестве трофея.

Наличие на книге геральдического суперэклибриса графа Генриха Брюля, что свидетельствует о принадлежности книги к его библиотеке, несомненно, важнейшая особенность любого книжного памятника. Однако, в данном случае — при рассмотрении книги А.Н. Радищева с этим геральдическим суперэклибрисом — налицо противоречие. Прежде всего, перед нами в настоящем случае необычный прецедент, когда иностранный суперэклибрис вытиснен на переплете русской книги XVIII века. Но даже такое обстоятельство меркнет по сравнению со следующим: при хронологическом сопоставлении получается, что книга была отпечатана через 27 лет после смерти ее первого владельца.

Такая несообразность нуждается в грамотной трактовке. Несмотря на то, что мы зафиксировали единичные случаи, когда после смерти владельца суперэклибриса штамп-матрица продолжает некоторое время использоваться его наследниками для клеймения книг (это мы встречаем и в случае с первым русским суперэклибрисом — князя Г.Ф. Долгорукого), то всё равно надлежит обратить особенное внимание на технико-технологические характеристики суперэклибриса, чтобы удостовериться в его подлинности. Дело в том, что в последние годы на антикварных аукционах и в антикварной книжной торговле стали встречаться поддельные геральдические суперэклибрисы, вытисненные на старых переплетах с применением вновь изготовленных штампов (об этом см. далее). Однако в данном случае геральдический суперэклибрис не вызывал сомнений в подлинности.

Кроме того, поскольку в процессе выявления суперэклибрисов было обнаружено большое число книг из библиотеки Брюля, то мы имели дополнительный сравнительный материал: переплеты книг из библиотеки Генриха Брюля, которые хотя и выполнены из простой телячьей кожи, имеют характерные индивидуальные черты. Кожа для этих переплетов хорошо выделана, всегда светлого, охристо-воскового тона, гладкая и качественная, без декоративных элементов на крышках — мушек, крапа и прочего травления, нако-

⁷³ Ebert F.A. Geschichte und Beschreibung der Koniglichen offentlichen Bibliothek aus Dresden. Leipzig, 1822. S. 85.

⁷⁴ Catalogus bibliothecae bruhlianae. Pars I–IV. Dresdae. 1750–1756. — 4 vol. in-folio.

нец, кожа на этих переплетах всегда хорошо лакирована. По сути, переплеты книг библиотеки Брюля являются иллюстрацией высокого качества и строгой красоты, характерных для Германии. Таков в точности при визуальном исследовании оказался и переплет «Письма к другу, жительствовавшему в Тобольске».

Если переплет книги и геральдический суперэклибрис на нем безусловно подлинны, то важно выяснить, каким образом в этот переплет попала книга более позднего времени. Поскольку книга тонкая, по сути брошюра, то на корешке никаких надписей не имеется; цветные форзацы мраморной бумаги вполне соответствуют эстетике времени изготовления переплета и опять же характерны для «брюлевских» переплетов. В таком случае напрашивается логичный вывод, что книга была вставлена в этот переплет уже в позднейшее время, и он для нее «чужой».

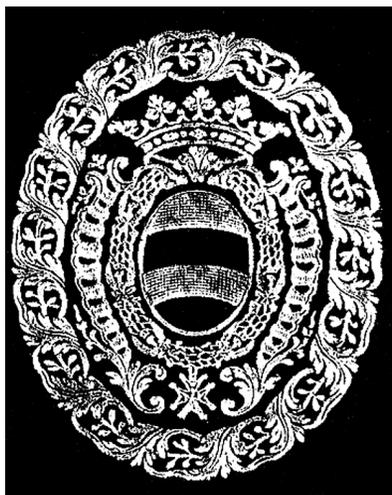
Подмена переплетов — далеко не редкость: подобные манипуляции обычно происходят при реставрации книжного блока и вообще практиковались в советской реставрационной традиции послевоенных лет, поскольку иностранные книги XVIII–XX веков, особенно отдельные тома, почитались за сор, и значительная часть их была пущена на макулатуру. Оговорим еще одно обстоятельство: при списании книг на макулатуру надлежало уже перед сдачей отделить собственно бумагу от остального, то есть книжные блоки отодрать от переплетных крышек — иначе перерабатывающие комбинаты не принимали их в переработку по цене бумаги⁷⁵. Можно сказать, что переплеты сами «просились» одеть другую книгу вместо утраченного или испорченного переплета.

Несомненно, такие особенности экземпляра должны привлекать дополнительное внимание и к самой книге. Так следовало поступить и в настоящем случае, особенно учитывая значительную музейную, да и не меньшую материальную ценность книги. При визуальной экспертизе книги было установлено, что издание отпечатано способом высокой печати на подлинной бумаге рубежа XVIII–XIX века, без филиграней (что вполне допустимо), то есть все использованные материалы соответствуют эпохе; но вопросы вызвала технология печати книги.

⁷⁵ Мы не имеем возможности останавливаться на этом, но хотим отметить, что политика СССР (в лице Главного управления по заготовкам, поставкам и использованию вторичных ресурсов (Союзглаввторресурсы) при Госнабе СССР), принуждающая организации и граждан сдавать как можно больше макулатуры государству, а особенно — эйфория, возникшая на излете режима в связи с введением такой «инновации» как обмен макулатуры на недоступные в розничной сети издания художественной литературы, нанесли катастрофический удар по домашним библиотекам и архивам.

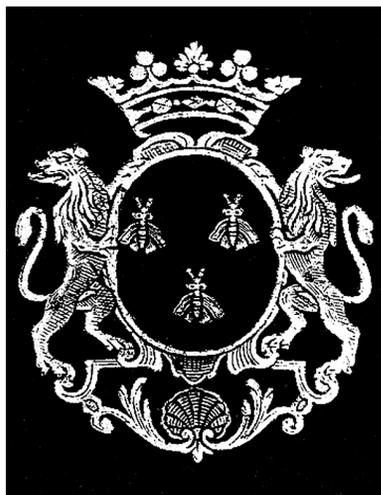
При более тщательной экспертизе, необходимость которой становится в подобных случаях очевидной, проведенной с применением лабораторного оборудования (микроскопа), удалось установить, что этот экземпляр книги «Письмо к другу, жительствовавшему в Тобольске» является качественным фальсификатом. Если для типографической практики XVIII столетия характерна печать в типографском стане с наборной формы, то в данном случае печать производилась иначе: специально для имитации высокой печати, которую можно на бумаге ощутить тактильно, по цифровой или фотографической копии с подлинной книги были изготовлены полимерные формы (практика печати массовых изданий с таких фотоформ высокой печати была распространена особенно в 1990-х годах и используется до настоящего времени), а затем была произведена печать в ручном (по-видимому, в так называемом корректурном) прессе. Сам замысел — вместо свойственной современной копировальной технике плоской печати использовать ощутимую руками высокую печать — вполне разумен и говорит о находчивости наследников Гутенберга. Причем для того, чтобы изготовленная таким образом копия была внешне максимально приближена к оригиналу, отпечатана она была на подлинной тряпичной бумаге конца XVIII века, и также следует отметить находчивость изготовителей, которые специально использовали листы без филиграней — при этом идентификация бумаги максимально затруднена (как хронологически, так и географически), одновременно не вызывая никаких сомнений в аутентичности. И уже в качестве финального аккорда, чтобы подлинность фальсификата была неоспоримой, к нему был подобран подлинный переплет XVIII века с геральдическим суперэкслибрисом. То есть, как можно видеть, геральдическому суперэкслибрису в данном случае придавалось серьезное значение именно как свидетельству подлинности.

Но «лучшее — враг хорошего», и в погоне за совершенством — пытаясь сделать фальсификат как можно более соответствующим оригиналу — изготовители переусердствовали, но, главное, не осознавали значения геральдического суперэкслибриса как исторического источника. Однако именно геральдический суперэкслибрис оказался в данном случае определяющим для распознавания фальсификата. Этот случай иллюстрирует важнейшее качество суперэкслибриса как владельческого знака, а то обстоятельство, что он обычно ставится первым владельцем книги, позволяет не только датировать переплет книги и определять гербовладельца, но и решать намного более сложные исследовательские задачи.

73

Суперэкслибрис К.Г. Хойма

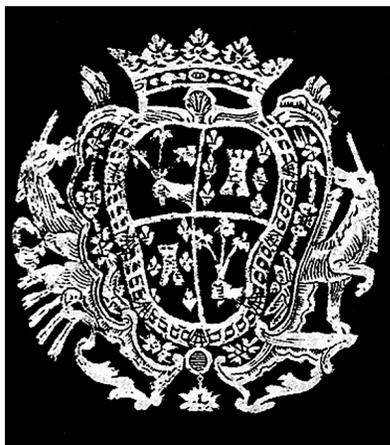
74

Суперэкслибрис Р.М. Баррена

75

Суперэкслибрис принца
Луи-Александра

76

Суперэкслибрис
М.-И. Демарэ

Наряду со случаями, когда при исследовании книжного памятника сам памятник оказывается фальсифицированным, а геральдический суперэклибрис — подлинным, встречаются и обратные примеры — когда фальсификатом является именно геральдический суперэклибрис. Неминуемое включение фальсификатов в круг исторических источников заставляет рассмотреть и эту сторону геральдического суперэклибриса.

Фальсификаты геральдических суперэклибрисов

Фальсифицирование различных знаков собственности (принадлежности), каковым является и суперэклибрис, является всё более частым явлением. С помощью знаков собственности возможно повысить как культурную, так и материальную ценность книги: зачастую именно благодаря суперэклибрису обычная антикварная книга превращается в книжный памятник. Это вполне справедливо, поскольку историческая и материальная ценность конкретной книги складывается не только из ценности предмета как такового, но и из места этого предмета в культурно-историческом пространстве.

Повторим слова В.К. Лукомского: «Книжные знаки (exlibris и super-exlibris), вообще, являются исключительно ценными путеводителями во всякого рода исследованиях для установления происхождения и судьбы библиотек, а потому и следует настоятельно рекомендовать особо осторожное обращение с ними и сохранение их на книгах, имея в виду не только показательное, научное значение их, но и материальное, очень часто поднимающее ценность книги при наличии непосредственного указания на ее provenance»⁷⁶.

Обычные печатные эклибрисы, будучи по сути бумажными наклейками, довольно часто присутствуют на тех книгах, на которых их не было при жизни владельцев этих книжных знаков. Именно в связи с такими метаморфозами известный авторитет в книжной торговле — букинист П.П. Шибанов (1864–1935) — признавал, что торговцы, желая таким образом повысить стоимость книги, либо заменяют неинтересный с их точки зрения эклибрис на более редкий или известный, либо же просто наклеивают на книгу ценный эклибрис, при этом П.П. Шибанов называл таких умельцев «врагами книги», а указанному явлению посвятил специальный доклад⁷⁷.

⁷⁶ Мухин С.А. Указ. соч. С. 11.

⁷⁷ Это было сказано П.П. Шибановым в докладе «Враги книги», сведения о котором приводит Б.М. Чистяков в статье «Супер-эклибрис и библиофилия» (Альманах библиофила. Л. 1929. С. 131–132.)

Тогда же П.П. Шибанов обратил внимание и на обратное: многочисленные любители печатных эклибрисов, желая иметь в своей коллекции какой-либо недостающий у них образец, зачастую обезличивают превосходные владельческие экземпляры. То есть при некотором умении и сноровке печатные эклибрисы с достаточной непринужденностью могут перемещаться с одной книги на другую, с книги — в папку эклибрисиста, а из папки — на любую книгу.

Характерный пример такого путешествия книжного знака был отмечен в процессе выявления геральдических суперэклибрисов в одном из частных собраний: библиофил похвалился томом «Истории Российской» М.М. Щербатова из знаменитой библиотеки С.А. Соболевского — друга Пушкина и выдающегося библиофила — с его геральдическим эклибрисом. И такая гордость объяснима, поскольку любая книга из библиотеки Соболевского — ценность для исследователя или коллекционера. Однако при внимательном рассмотрении экземпляра оказалось, что на эклибрисе вместо раздела «история», к которому он должен был бы относиться, рукой С.А. Соболевского было написано по-французски «кулинария», что также указывает на provenance, но уже не книги, а только эклибриса — он был снят с другой книги, входившей в раздел «кулинария», и наклеен на книгу М.М. Щербатова. Таких примеров можно привести множество.

В настоящее время процесс фальсификации традиционных печатных эклибрисов еще более упростился и чрезвычайно распространился: благодаря тому, что электронные способы плоской печати стали общедоступными, на книжном антикварном рынке постоянно встречаются книги с фальсификатами эклибрисов императорских и придворных библиотек, которые в несколько раз повышают стоимость этих книг. Сделаны эти знаки чаще всего посредством цветного копировального аппарата или более сложными способами, причем все они очень похожи на оригинальные эклибрисы. А если подобные «императорские» экземпляры имеют хождение на антикварном рынке, то со временем они становятся частью коллекций государственных музеев и библиотек, поступая туда через закупочные комиссии. Только исследователь, хорошо осведомленный в тонкостях полиграфических техник, имеющий наработанность глаза, сможет отличить фальсификат от оригинала.

Что же касается геральдического суперэклибриса, то до последнего времени считалось, что именно суперэклибрис как никакой другой знак собственности книжных памятников соответствует своей главной цели — точно указывать на владельца кон-

кретного книжного памятника; причем утверждалось даже, что суперэклибрис практически нет никакой возможности фальсифицировать. Б.М. Чистяков писал по этому поводу: «Суперэклибрис, действительно, может быть наиболее верным охранителем права собственности книги»⁷⁸.

Раньше единственным типом манипуляций с суперэклибрисами были только те, что связаны с заменой или подменой книжного переплета (как описанная выше история с книгой А.Н. Радищева). Обычно это происходило при вынужденной или плановой реставрации, часто без умысла, когда книга вставлялась в другой кожаный переплет, на крышках которого имелся геральдический суперэклибрис. Особенно такие замены переплетов, или, как они назывались на языке библиофилов тех времен, «пересадки», были распространены в 1960–1980-е годы, когда заказать для антикварной книги качественный переплет было невозможно, а иностранные книги в очень хороших переплетах стоили совсем недорого; так и был избран путь «пересадки» книги в другой переплет. Традиционно такие метаморфозы распознаются по корешку книги: изготовление аутентичной наклейки с заглавием на корешке переплета всегда представляло трудность; наклейки в таких случаях очень просты и обычно контрастируют с качеством самого переплета. Типичный пример — экземпляр первого издания «Руслана и Людмилы» А.С. Пушкина 1820 года из библиотеки П.В. Губара (ГМП), который вставлен в прекрасный переплет с суперэклибрисом императора Александра I. Подобные случаи были, есть и будут, но они всегда различимы и при исследовании конкретного книжного памятника легко разоблачаемы (хотя и не всегда на них обращается внимание).

Мнение о невозможности фальсифицировать непосредственно сам геральдический суперэклибрис ранее было незыблемым, ну а если и были попытки это сделать, то подобные фальсификаты элементарно распознавались. С проникновением же на отечественный рынок новых европейских технологий и специализированных станков, оказалось возможным и фальсифицирование самих геральдических суперэклибрисов.

Еще двадцать — тридцать лет назад изготовление фальсификата было бы невозможно, поскольку отсутствовали фрезерные станки, необходимые для производства латунных штампов для горячего тиснения. Такие станки функционируют на компьютерной базе, в электронную память которой вкладывается рисунок, а тон-

⁷⁸ Чистяков Б.М. Супер-эклибрис... С. 133.

кая фреза вырезает на латунном бруске штамп-матрицу, выбирая из заготовки металл на требуемую глубину. Но в последние два десятилетия в России было обновлено оборудование в некоторых переплетных цехах типографий (например, в типографии «Наука» в Москве и некоторых других), куда были закуплены и станки для изготовления переплетных клише, в том числе и указанных латунных штампов.

И если в 1751 году граф П.Б. Шереметев, заключавший книги своей петербургской библиотеки в переплеты с геральдическими суперэклибрисами, просил московских управляющих «поискать прилежно в [Немецкой] слободе и других местах все инструменту переплетного книжного, какой мне принадлежит, и купя оной весь прислать к нам в Петербург, хотя б оной и до тридцати рублей продавался»⁷⁹, то и в настоящее время оказывается возможным приобрести в Москве качественные инструменты для изготовления переплета, в том числе и заказать штампы для фальсифицирования геральдических суперэклибрисов. Именно на новых высокотехнологических станках европейского производства возможно изготовление качественных фальсификатов.

Первый суперэклибрис-фальсификат был обнаружен нами в 2003 году в одном из антикварных магазинов Москвы. Это была русская книга первой трети XIX века с геральдическим суперэклибрисом неизвестного владельца на верхней крышке переплета (илл. 62, с. 213). Суперэклибрис этот оказалось возможным атрибутировать сразу, поскольку в процессе выявления геральдических суперэклибрисов такой же знак был обнаружен в собрании ВГБИЛ и атрибутирован⁸⁰; он принадлежит известному немецкому историку графу Генриху Бюнау (1697–1762), автору «Истории Германской империи». Его книжное собрание, без всякого сомнения, было одним из лучших в Европе в XVIII столетии; значительная часть из собранных графом более чем 40 тыс. томов оказалась в 1945 году в советских библиотеках в качестве трофея.

Уже при визуальном осмотре было очевидно, что это фальсификат: технологически суперэклибрис был выполнен небрежно, даже беспомощно; можно сказать, что он представлял из себя опытный образец: штамп плохо проработан, дилетантски выполнено и само тиснение, для которого применено не листовое сусальное золото или специальная переплетная синтетическая фольга, а поталь или фольга сомнительного качества. Кроме того, сам штамп-матрица

⁷⁹ Шавыркина Н.А. История библиотеки Шереметевых... С. 174.

⁸⁰ Дружинин П.А. Западноевропейский суперэклибрис... С. 231–233.

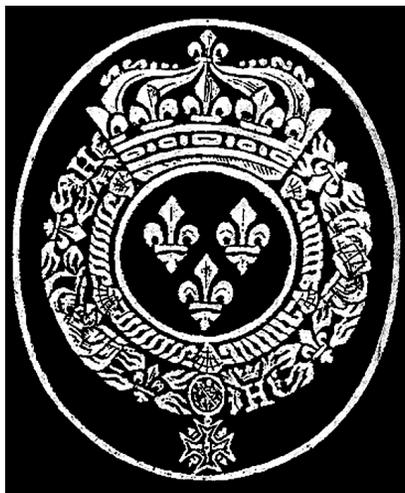
для тиснения, несомненно, был выполнен не из латуни, а из цинка, традиционно употребляемого для клише штриховых рисунков в книге, что отразилось и на конечном результате — цинк мало подходит для горячего тиснения, а глубина выборки металла в цинковых клише всегда невелика, что во всем своем несовершенстве проявляется при тиснении таким штампом. Также стоит отметить тот факт, что для тиснения был взят обычный русский переплет, изначально имевшийся на книге, притом не лучшего качества и сохранности. То есть визуальное исследование констатировало даже не собственно фальсификат, а аляповатую подделку геральдического суперэклибриса Генриха Бюнау.

Но по прошествии полутора лет — в 2005 году — один из петербургских частных коллекционеров обратился с просьбой атрибутировать геральдический суперэклибрис на купленной им недавно книге — знаменитом издании М.А. Корфа «Четырнадцатое декабря 1825 года», отпечатанном в 1854 году в Петербурге тиражом 25 экземпляров.

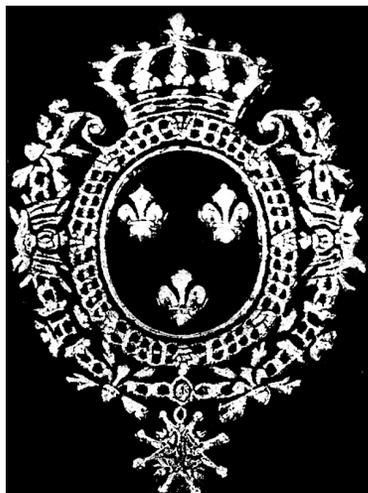
Удивительно, но переплет книги, который визуально можно датировать серединой XIX века, был также украшен геральдическим суперэклибрисом Генриха Бюнау. Однако этот вариант фальсификата суперэклибриса уже более походил на подлинный, хотя хронологическая несообразность наличия его на издании середины XIX века выглядела нарочитой. Несомненно, нанесен на переплет он был посредством латунного штампа, однако была применена синтетическая фольга — именно она, оставляющая однородное золотое покрытие, со всей очевидностью свидетельствовала о недавнем нанесении знака.

Кроме того отметим, что граф Бюнау пользовался в дополнении к геральдическому суперэклибрису еще и шрифтовым, с текстом *Ex bibliotheca bunaviana*, наносившимся на нижнюю крышку переплета. Оба фальсификата не имели на нижней крышке никакого тиснения.

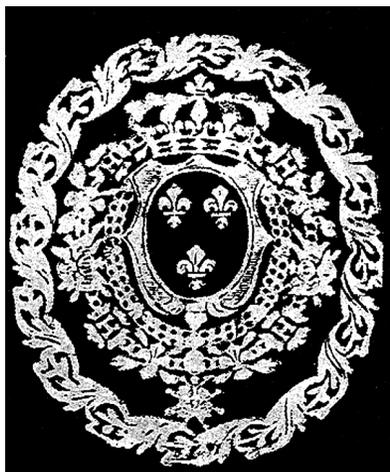
В том же году на аукционе в Москве был выставлен экземпляр книги митрополита Евгения (Болховитинова) «Словарь о бывших в России писателях духовного чина» (СПб., 1818, ч. 1–2 в одном переплете; «аукцион сезона» 30 сентября 2005 года, лот № 61, стартовая цена 30 тыс. рублей, ориентировочная цена продажи 38–44 тыс. рублей). Но на этом переплете, выполненном из коричневой кожи, был вытиснен геральдический суперэклибрис, и цена продажи экземпляра превысила многократно ориентировочную — она составила 130 тыс. рублей. Суперэклибрис на книге в данном случае был лишь украшением, поскольку не был атрибутирован

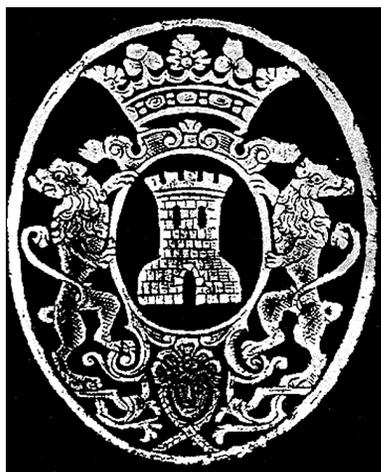
77
Суперэкслибрис
короля Людовика XIV

78
Суперэкслибрис
короля Людовика XV

79
Суперэкслибрис
короля Людовика XVI

80
Суперэкслибрис
Ж.Ф. Монтиньи

в аукционном каталоге, тем не менее, его наличие позволило составителям каталога сделать вывод, что «издание представляет историческую ценность». В действительности же геральдический суперэклибрис на книге (илл. 5) принадлежит герцогу Эрнсту-Иоганну Бирону (1690–1772), то есть опять налицо хронологическое несоответствие, указывающее на фальсификацию. При ближайшем рассмотрении это подтвердилось — оттиск на переплете был выполнен новым штемпелем.

И, наконец, еще один фальсификат был исследован в 2007 году. Геральдический суперэклибрис (илл. 32, с. 129) был вытиснен на переплете литературного сборника «Каллиопа: Труды благородных воспитанников Университетского пансиона» (М., 1815): то была точная копия геральдического суперэклибриса Петра Кирилловича Разумовского (1751–1823). Этот фальсификат был выполнен на очень высоком уровне: безукоризненно изготовленный штамп-матрица обеспечил четкий, проработанный оттиск (поскольку это фальсификат, то он оказался даже качественней, нежели подлинные экземпляры геральдического суперэклибриса), для тиснения был тщательно подобран цвет золота — не броский, не полностью глянцевоый, а вполне аутентичный внешне тому золоту, что было употреблено для тиснения заглавия и декоративного орнамента на корешке и крышках переплета. Лишь технологические особенности, характерные для фальсификата, перечень которых будет приведен ниже, позволили распознать его.

Стоит предположить, что тенденция фальсификации геральдических суперэклибрисов, особенно императорских, будет только укореняться, поскольку технологии совершенствуются, а подобное «улучшение» экземпляров столь значительно увеличивает материальную ценность книги, что стимулирует практику фальсифицирования. Еще в 1920-е годы отмечалось, что «фальсификаторы все же находятся в выигрышном положении, так как иногда проходит очень много времени, прежде чем фальсификат попадает в руки эксперта и обнаруживается»⁸¹.

Таким образом, фальсифицирование геральдических суперэклибрисов уже является серьезным явлением и может рассматриваться в контексте большой научной проблемы фальсификации исторических источников.

Поскольку в процессе исследования геральдических суперэклибрисов нам пришлось столкнуться с проблемой распознавания

⁸¹ Как бороться с фальсификаторами // Советский филателист. М., 1928. № 3 (79). С. 15.

фальсификатов, то необходимо изложить и основные положения, которые были выработаны в результате этой работы.

Первое. Горячее тиснение, посредством которого суперэклибрис наносится на поверхность книжного переплета, является серьезным вмешательством в структуру переплетного материала — кожи, и чем переплетная кожа старше, тем она суше и менее пластична, и вследствие этого неподатлива для тиснения, а также более хрупка. И если в настоящее время использовать для тиснения геральдического суперэклибриса переплет книги XVIII — начала XIX века, то он уже не будет столь восприимчив к нанесению тиснения, как во времена своего изготовления. В связи с этим, обычно кожу уже невозможно бывает «продавить» настолько, насколько это было возможно в момент изготовления переплета. И потому фальсификаты не так глубоко и качественно оттиснуты, поскольку если при тиснении приложить чрезмерное усилие, особенно штампом-новоделом с острыми от фрезы краями, то кожа в силу возраста такое вмешательство уже не сможет вынести и начнет трескаться в некоторых местах по краям оттиска.

Второе. Со временем старинные переплеты, которые лакировались либо протравливались при изготовлении (особенно это наблюдается на переплетах из обычной телячьей кожи), покрываются мелкой сеткой трещинок — кракелюром. Такое явление наиболее часто рассматривается при исследовании произведений масляной и темперной живописи, но встречается кракелюр и на других памятниках, в т.ч. и на книжных переплетах. И если по такому покрытому кракелюром кожаному переплету производить тиснение, то при внимательном рассмотрении оказывается, что золото лежит не только на коже, но и в углублениях кракелюра — в самих микротрещинах, тогда как при условии, что геральдический суперэклибрис нанесен на переплет в момент его изготовления, в микротрещинах золота быть не может. Деструктивному воздействию особенно подвержены кожи, травившиеся при изготовлении под мрамор или иными способами, поскольку травление такое производилось с применением агрессивных материалов и традиционно отражается на сохранности кож, именно потому и фальсификаты суперэклибрисов на травлёных кожах распознаются значительно легче.

Третье. Важным фактором в распознавании фальсификатов геральдических суперэклибрисов является характеристика золотой фольги, употребленной для нанесения суперэклибриса: она должна соответствовать не только духу времени, но и почти всегда схожа с оттенком золота, употребленным мастером-переплетчиком

при декорировке корешка и переплетных крышек. Конечно, химический анализ такого золота сразу сможет дать сведения о времени его создания, поскольку в настоящее время оно включает синтетические материалы, однако чаще всего возможность такой экспертизы отсутствует. А потому следует обращать особое внимание на качество золота, которым вытиснен сам суперэклибрис и остальные детали оформления переплета.

Суперэклибрисы-палимпсесты

В процессе исследования суперэклибрисов нам встретилось явление, которое заслуживает отдельного упоминания. Речь идет о знаках, которые можно обозначить как суперэклибрисы-палимпсесты. Если обратиться к этимологии, то термин «палимпсест» переводится с греческого как «вновь соскобленный», в археологии и кодикологии он обозначает рукописный памятник, нанесенный на материал для письма (пергамен), с которого предварительно был счищен нанесенный ранее текст. Конечно, лишь в рукописной традиции этот способ сравнительно нередок, в других же областях такие образцы крайне немногочисленны. Общеизвестный пример такого явления, например, в живописи — портрет Емельяна Пугачева, написанный поверх портрета императрицы Екатерины II, который читатель помнит по школьному учебнику истории. Подобные примеры встречаются и в исследуемой нами области.

Причем такие случаи можно даже разделить на два типа. Первый — когда единичная книга из одного собрания переходит в другое. И если оба собирателя имели суперэклибрисы, то оба и снабжают конкретный экземпляр своими знаками книговладения. Например, экземпляр книги В.В. Крестинина «Исторические начатки о двинском народе» (1784)⁸², на котором вытиснен геральдический суперэклибрис графа Д.П. Бутурлина (1763–1829), который, в свою очередь, перекрывает собой более ранний суперэклибрис — шрифтовой знак княгини Е.Р. Дашковой (1743–1810) — КЕД, расшифровывающийся как «К[нягини] Е[катерины] Д[ашковой]» (илл. XL, 119). То есть книга первоначально принадлежала Е.Р. Дашковой (вероятно, получена ею в качестве «обязательного» экземпляра Академической типографии, поскольку в то время она по должности получала бесплатно все выходящие акаде-

⁸² Крестинин В. Исторические начатки о двинском народе. Ч. 1. Спб. 1784. 4-о. (ОИК ГПИБ, № 5185).

мические издания), а затем перешла в библиотеку ее племянника графа Д.П. Бутурлина, с которым княгиня была очень дружна.

Второй пример — менее случайный и много более любопытный, поскольку речь идет не об отдельной книге, а о целой библиотеке, притом один суперэклибрис заменялся другим намеренно, на всех томах библиотеки. Приведем историю этой метаморфозы.

В 1773 году цесаревич Павел Петрович был обвенчан с принцессой Гессен-Дармштадтской, нареченной 15 августа при миропомазании Натальей Алексеевной. Поскольку сообщество малого двора являло собой собрание поклонников просвещения, то книги были неотъемлемой частью их повседневной жизни. Как и книги цесаревича, на переплеты которых наносились суперэклибрисы (литера Р в картуше), книги великой княгини также отмечались суперэклибрисом — вензелем NA в овальной декоративной рамке. Когда же 13 апреля 1776 года Наталья Алексеевна скончалась, то книги остались на своих местах, но скорое бракосочетание (26 сентября того же года) Павла Петровича с принцессой Софией-Доротеей, нареченной Марией Федоровной, должно было отразиться и на книгах почившей супруги: для их скорейшего «исправления» был изготовлен латунный штампель с суперэклибрисом новой великой княгини (двуглавый орел, который имеет на своей груди два геральдических щита — российский императорский герб и герб Вюртемберга, а вокруг — ленту ордена Св. Екатерины с крестом этого ордена внизу).

А поскольку книги для наследника и некоторых приближенных переплетались у работавших для двора петербургских мастеров (почти все они имеют так называемый придворный тип переплета из красного сафьяна), то спешно скрыть выморочный владельческий знак оказалось возможно только следующим образом: средняя часть суперэклибриса заклеивалась овальным лоскутом кожи такого же красного цвета, а поверх этого овала посредством вновь вырезанного латунного штампа наносился суперэклибрис с гербом новой супруги наследника престола. Причем новый штампель был выполнен таким образом, что край (граница) кожаной заплаты перекрывался сверху золототисненым ободком, который полностью скрывал под слоем золота границу заплаты, и таким образом надежно маскировал этот своеобразный палимпсест (илл. XXXVII–XXXVIII, с. 119).

Вполне возможно, что о такой перемене в большом корпусе книг никогда не стало бы известно, но 17 декабря 1837 года в Зимнем дворце произошел грандиозный пожар, и часть книг, которые все-таки были спасены от огня, оказались залиты водой. При этом,

от воздействия воды кожа переплетов намочла, а при высыхании лоскуты (заплаты) красного сафьяна, которыми был прикрыт вензель Натальи Алексеевны, на некоторых экземплярах отслоились; именно такой экземпляр и хранится в фонде РНБ⁸³. Когда же этот секрет оказался нами раскрыт, мы смогли внимательнее рассмотреть книги с геральдическими суперэклибрисами Марии Федоровны, и оказалось, что тот вариант ее знака, который имеет на груди двуглавого орла два геральдических щита — всегда выполнен поверх суперэклибриса Натальи Алексеевны⁸⁴. А вариант с тремя геральдическими щитами (илл. XXXIX, с. 119) ставился позднее, и уже только на те книги, которые принадлежали второй супруге Павла Петровича изначально.

В этой истории, к сожалению, остается неисследованным важный момент, который мы должны оговорить. Дело в том, что описанный нами случай имеет источником тот вариант суперэклибриса Марии Федоровны, который ставился на книги форматом ин-октаво и менее (размер с рамкой 63x53 мм), тогда как для книг в четвертую долю и более употреблялся знак большего размера (82x57 мм). Но если меньший знак был раскрыт силою исторических обстоятельств, то «вскрытие» большего по размеру мы собственноручно произвести не смогли, хотя и пытались, — наклейка всегда так хорошо приклеена и подогнана, а ее утоньшенные с внутренней стороны края так плотно придавлены золотым тиснением к основному первоначальному суперэклибрису, что мы неминуемо бы испортили таким вмешательством внешний вид книжного памятника; найти в частных собраниях этот вариант для такой цели мы также не смогли. Таким образом, поскольку раскрытие привело бы к порче экземпляра, а желательное в данном случае рентгенологическое исследование было нам недоступно, то оставляем задачу исследования «внутренности» этого суперэклибриса на будущее. Как нам видится, там может быть обнаружен либо увеличенный вариант вензеля Натальи Алексеевны, либо уже ее брачный герб.

⁸³ Впервые суперэклибрис Натальи Алексеевны воспроизведен: *Герасимова Е.В.* Императорские и великокняжеские собрания в РНБ. СПб., 2008. С. 12, но описан следующим образом: «Владельческий экземпляр из Царскосельского собрания Екатерины II, суперэклибрис на переплете которого позднее был исправлен и дополнен монограммой будущей супруги (с 1773 г.) Цесаревича Павла Петровича — Великой княгини Наталии Алексеевны»; верная атрибуция произведена нами — см.: *Дружинин П.А.* Другим наука // Новое литературное обозрение. М., 2009. № 96. С. 337–338.

⁸⁴ См., например, многотомные издания в собрании ГМЗ «Павловск» — *Riviere du Fresny Ch. Oeuvres*. Т. I, II, IV. Paris, 1747, in-12o (инв. 8168–8170); *Corneille P. Oeuvres*. Т. II–V, VII–X. Paris, 1758, in-16-o (инв. 8001–8008) и др.

81
Суперэкслибрис
Наполеона Бонапарта

82
Суперэкслибрис
шведского короля Густава III

83
Суперэкслибрис
императора Карла VI

84
Суперэкслибрис
императора Рудольфа II

Так называемые издательские суперэкслибрисы

В типологической характеристике суперэкслибрисов было сказано о существовании так называемых издательских суперэкслибрисов — знаков, лишь внешне кажущихся собственно суперэкслибрисами, то есть символами книговладения, но в действительности владельческими знаками не являющимися. Термин этот был предложен в России в 1920-х годах.

Еще с начала XX века этот вопрос привлекал исследователей бумажных книжных знаков (экслибрисов), поскольку выяснялось, что не все гербовые ярлыки являются в действительности книжными знаками. Наибольшее внимание этой проблеме уделял В.К. Лукомский, и некоторые выводы, к которым он пришел, актуальны и в настоящем случае:

«Необходимо оговорить, что в нашем представлении экслибрисом в прямом (хотя, быть может, и в несколько тесном) смысле слова следует разуметь лишь такой знак собственности, который, будучи произведением художественного творчества или предметом технического производства, изготовлен специально для книг, в целях прежде всего указания владельца их. <...> Исходя из этого, по моему мнению, бесспорного положения, все то, что хотя бы и носило на себе некоторые признаки книжного знака (по композиции рисунка, именным надписям и т.п.), но фактически такого назначения не имело и не имеет в виду в будущем, строго говоря, не должно именоваться экслибрисом. <...> Подобный знак <...> должен быть исключен из обычного оборота, как не экслибрис, а лишь его подобие — quasi-exlibris (как будто экслибрис)»⁸⁵.

Относительно того, как поступать с такими «как будто экслибрисами», В.К. Лукомский был категоричен: «Весь подобный материал <...> должен быть, по моему мнению, решительно изъят из коллекционного оборота <...> в целях очищения самих собраний от плевел, засоряющих собою подлинный исторический и художественный источник, столь существенный для многообразных выводов в пользу библиологических обобщений»⁸⁶.

И если В.К. Лукомский без труда умел изымать из собраний книжных знаков облатки (наклейки на почтовые конверты), вырезанные гербы из гербовников и даже винные этикетки крымских голицынских заводов, то в нашем случае бывает трудно отличить

⁸⁵ Лукомский В.К. Фальсификат в экслибрисе: К 50-му заседанию Секции изучения книжного знака Русского общества друзей книги. М., 1929. С. 4.

⁸⁶ Там же. С. 10.

суперэкслибрис от «как будто» суперэкслибриса — то есть, согласуясь с установленной нами типологией — так называемого издательского суперэкслибриса.

А необходимость этой дифференциации возникла, так как выяснилось, что и среди суперэкслибрисов встречаются издательские знаки. Поскольку «издательский геральдический суперэкслибрис», который не является знаком книговладения, а лишь украшает переплет книги, превращается в контексте исследования книжных знаков в ложный исторический источник, рассмотрение которого в качестве книжного знака (то есть владельческого признака) неминуемо приводит к неверным выводам в историческом исследовании, то необходимо вычленивать такие случаи и дать характеристику этого явления.

«Издательские суперэкслибрисы», в отличие от просто владельческих суперэкслибрисов, выявлялись на протяжении всего исследования. Основным критерием, по которому геральдический суперэкслибрис однозначно характеризовался как издательский, было выявление идентичных геральдических суперэкслибрисов на переплетах нескольких экземпляров одного и того же издания. То есть эти знаки употреблялись исключительно для украшения переплетов определенных изданий и выявлены только на них (то есть, подчеркнем это особо, они ни разу не были встречены на переплетах других изданий). Кроме того, «издательский геральдический суперэкслибрис» всегда оказывается связанным либо с содержанием книги, либо с ее автором. Сразу оговоримся, что в данном разделе мы не рассматриваем очевидные случаи, когда герб на книжном переплете заведомо носит характер украшения печатных изданий: таковы герб князей Куракиных на «Архиве князя Ф. А. Куракина», князей Воронцовых на «Архиве князя Воронцова», графов Разумовских на «Семействе Разумовских» А. А. Васильчикова и многие им подобные.

«Издательские суперэкслибрисы» П.Б. Шереметева

Первый вариант (илл. 44, с. 185)

«Издательским геральдическим суперэкслибрисом», основу которого составляет личный дворянский герб, является знак графа Петра Борисовича Шереметева (1713–1788). Кроме того, что ранее были зафиксированы три варианта его владельческих геральдических суперэкслибрисов, издательских насчитывается два варианта. Первый — 1773 года — украшает переплеты двух изданий, предпринятых на средства графа, напечатанных в формате ин-фолио.

1) «Записка путешествия генерала фельдмаршала российских войск, тайного советника и кавалера мальтийского, с. апостола Андрея, Белого орла и прусского ордена, графа Бориса Петровича Шереметева, в тогдашние времена бывшего ближнего боярина и наместника вятского, в европейские государства в Краков, в Вену, в Венецию, в Рим и на Мальтийский остров, изданная по подлинному описанию, находящемуся в библиотеке сына его господина обер-камергера, генерал-аншефа, сенатора и кавалера с. апостола Андрея, с. Александра Невского, Белого орла и с. Анны, графа Петра Борисовича Шереметева» (М., 1773. 2°). Особые экземпляры этого издания были заключены в переплеты из сафьяна зеленого или красного цвета и украшены геральдическим суперэкслибрисом графа П.Б. Шереметева.

Причем известны подробности издания и распространения этой книги: в 1773 году тираж ее был отпечатан, но граф П.Б. Шереметев не начинал распространения книги до тех пор, пока надлежащие экземпляры не будут поднесены Екатерине II и их императорским высочествам — цесаревичу Павлу Петровичу и великой княгине Марии Федоровне, причем для государыни предназначался экземпляр в зеленом сафьяне (ныне в собрании Кабинета редких книг и рукописей НБ Государственного Эрмитажа), а Павлу Петровичу и Марии Федоровне — экземпляры в красном сафьяне. После того как экземпляры были вручены членам императорской фамилии, граф переслал экземпляры и другим сановным адресатам: И.И. Бецкому (ныне в собрании НБ МГУ), графу Н.И. Панину (там же), графине А.К. Воронцовой, митрополиту Платону, графу В.Г. Орлову, генерал-прокурору А.А. Вяземскому, графу А.П. Шувалову, вице-канцлеру А.М. Голицыну, графу А.Р. Воронцову, графу З.Г. Чернышеву, князю Г.А. Потемкину, графине Д.П. Салтыковой, в императорскую Академию наук и императорскую Академию художеств и т.д. Все эти экземпляры, по большей части в переплетах красного сафьяна, были украшены геральдическим суперэкслибрисом графа П.Б. Шереметева и почти все имели его дарительные надписи внизу титульного листа⁸⁷.

2) Еще одно издание, украшенное таким же геральдическим суперэкслибрисом, вышло год спустя — «Письма Петра Великого писанные к генерал-фельдмаршалу, тайному советнику, мальтийскому, с. апостола Андрея, Белого орла, и прусского ордена кавалеру, графу Борису Петровичу Шереметеву, по большей части соб-

⁸⁷ Шавыркина Н.А. Издательская деятельность П.Б. и Н.П. Шереметевых... С. 156–158.

ственною государевою рукою, а иные с подлинников хранящихся в императорской Кабинетской архиве списанные, сколько оных нашлось у его сиятельства господина обер-камергера, генерал-аншефа, сенатора, орденов с. апостола Андрея, с. Александра Невского, Белого орла, и с. Анны кавалера, графа Петра Борисовича Шереметева, которого желанием и старанием оные ныне на свет изданы, и с предисловием о происхождении и о службах предков Шереметевых, особливо же о славных делах фельдмаршала графа Бориса Петровича и о потомках его» (М., 1774. 2°). Особые экземпляры этого издания также были переплетены в зеленый и красный сафьян и несли на себе герб графа П.Б. Шереметева.

Распространялось издание примерно так же, как и в 1773 году: экземпляры подносились сперва царствующей фамилии: «в сафьяне цвета лавра и мирты — ее величеству, и две в красном — их высочествам»⁸⁸, а затем и прочим адресатам.

Второй вариант (илл. 45, с. 191)

Этот «издательский геральдический суперэклибрис» выявлен на многих экземплярах другого издания, предпринятого графом в 1778–1779 годах: «Письма к государю императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала, тайного советника мальтийского, с. апостола Андрея, Белого орла и прусского ордена кавалера, графа Бориса Петровича Шереметева» (М., 1778–1779. 8°).

Особые экземпляры этого сочинения (все четыре тома по отдельности) были облачены в переплеты зеленого и красного сафьяна, и каждый том нес на себе «издательский геральдический суперэклибрис» графа; встречаются экземпляры, переплетенные не в сафьян, а в простую телячью кожу.

О распространении этого издания сведения также доступны: в апреле 1778 года граф отправил в Петербург экземпляры первого тома для поднесения императрице, их высочествам, С.Г. Зоричу, графу Н.И. Салтыкову, графу Н.И. Панину, генерал-прокурору А.А. Вяземскому и князю Г.Г. Орлову⁸⁹. Книгу государыне должен был поднести С.Г. Зорич, бывший тогда в фаворе. Также книги отправлялись и к другим лицам, причем они были в различных переплетах; граф Шереметев писал своему управляющему в Петербурге: «А которые книги кому отдать, на обертке всякой подписано, по той подписи и разности, ибо они в разных переплетах»⁹⁰. Вторая

⁸⁸ Там же. С. 159.

⁸⁹ Там же. С. 161.

⁹⁰ Там же.

посылка книг в Петербург, содержащая 22 комплекта, состояла из двух экземпляров в сафьянных переплетах — для императорской Академии наук и императорской Академии художеств, а прочие — для придворных лиц — были переплетены в переплеты обычной телячьей кожи⁹¹.

Таким образом, можно утверждать, что герб графа П.Б. Шереметева на указанных изданиях изначально не носил характера владельческого знака (что характерно для суперэкслибриса), а был украшением переплета, связанным с содержанием изданий. Существование двух вариантов объясняется тем, что герб большего размера употреблялся для фолиантов, а герб меньшего — для книг «в осьмушку».

«Издательский суперэкслибрис» М.А. Оболенского

Еще один издательский знак принадлежит историку, князю М.А. Оболенскому (илл. 53, с. 203). Дослужившись до должности директора Московского главного архива Министерства иностранных дел, М.А. Оболенский был также членом Археографической Комиссии и членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. Он известен как автор и составитель многих книг и сборников по русской истории.

Одна из изданных князем книг — «Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича, издан по списку князя Оболенского» (М. 1853) — также имеет свои особенности: несколько экземпляров из тиража были переплетены в зеленые сафьянные переплеты и украшены гербом М.А. Оболенского; он повторяет по начертанию герб князя, изображенный на титульном листе книги.

«Издательский суперэкслибрис» А.Д. Блудовой

Характерный пример, когда «издательский геральдический суперэкслибрис» наносится на переплет издания, предназначенного для узкого круга приближенных лиц, — знак графини А.Д. Блудовой (илл. 51, с. 197).

Антонина Дмитриевна Блудова (1813–1891) — дочь председателя Государственного Совета и президента Петербургской Академии наук графа Дмитрия Николаевича Блудова — была известной писательницей и благотворительницей, участвовала в светской жизни столицы, особенно в среде славянофилов, дружила с В.А. Жуковским, Н.В. Гоголем, Ф.И. Тютчевым, А.С. Хомяковым и другими;

⁹¹ Там же. С. 162.

в 1863 году она была пожалована камер-фрейлиной императрицы Александры Федоровны. Трепетное отношение к памяти своего знаменитого отца побудило ее издать в 1866 две книги: «Мысли и замечания графа Дмитрия Николаевича Блудова. (Из его записной книги)» и мемориальный труд Е.П. Ковалевского «Граф Блудов и его время (царствование императора Александра I-го)».

Часть тиража этих двух изданий по воле княгини была отпечатана на особой бумаге, снабжена фотографией Д.Н. Блудова и заключена в коленкоровые переплеты, верхняя крышка которых была украшена гербом, нанесенным посредством конгревного (т.е. бесцветного) тиснения.

«Издательский суперэклибрис» О.Н. Бернацкой

Хронологически последним русским геральдическим суперэклибрисом, который следует считать издательским, является суперэклибрис О.Н. Бернацкой 1913 года (илл. 50, с. 197).

Ольга Николаевна Бернацкая (1872–?); в замужестве Значко-Яворская) известна как деятель в области истории и вспомогательных исторических дисциплин: в 1912 году она стала действительным членом Петербургского Археологического института. В 1913 году она написала и издала за свой счет книгу «Родословие дворян Бернацких» (СПб., 1913), причем из общего тиража в 100 экземпляров девять были переплетены в пергаменные переплеты с геральдическим суперэклибрисом О.Н. Бернацкой, который был выполнен по рисунку Г.И. Нарбута.

Отдельно такое украшение оговорено в тексте книги: на обороте титульного листа девяти особых экземпляров указано, что они переплетены в специальные переплеты с суперэклибрисом. По-видимому, роль вдохновителя изготовления таких экземпляров принадлежит В.К. Лукомскому, о чем свидетельствует и посвящение в данном издании: «Владиславу Крескентьевичу Лукомскому, любезно оказавшему содействие моему труду сообщением сведений, относящихся до рода Бернацких, и советами по изданию этой книги, выражаю мою глубокую благодарность. О. Значко-Яворская»⁹².

⁹² Значко-Яворская О. Родословие дворян Бернацких. СПб., 1913. С. [5].